

Колочкова О. В.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ: ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ СТРАДАТЕЛЬНОГО ПРИЧАСТИЯ И ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/36.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 99-101. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Construct Validity

Construct validity is probably the most difficult to understand and the least useful for classroom-based evaluation although it can play an important role in judging the quality of standardized tests. A relatively uncomplicated example may help to explain what it is. Suppose a teacher of English wants to know how important each of her students considers the learning of English. She has them rate the importance to themselves on a scale ranging from "very important" to "no importance at all." Later, she compares the students' self-ratings with their achievement in the course. She finds, not surprisingly, that most of the students who indicated that knowing the language was important to them were among the best learners in the class. She concluded that the ratings were valid because students who are more motivated should in general be better learners. This illustrates the elements of construct validation:

1. You have information you want to validate.
2. You have a theory about how that information should relate to other
3. You can verify the predictions of your theory.

Let us now consider a more complex example. Suppose you want to assess the validity of a computer program that estimates the readability of written texts. You do not know how the program works, but you can get readability scores for a number of texts. You also have a theory about readability that states that readability is enhanced by explicit cohesion markers, lexical diversity, familiarity with the lexical items in the text, and familiarity with the content schemata. The theory also states that readability is unrelated to the number of clauses per sentence or the complexity of verb phrases in the text.

It would be relatively easy, although time consuming, to calculate indices of these linguistic variables for each of the texts. For example, you might construct an index of familiarity with schemata by letting students read the first half of the texts and then try to complete them. The amount of second-half content the students could guess would be an indication of familiarity with schemata. The last step would be to compare your information about the variables in the theory with the readability scores generated by the computer. The strongest evidence of construct validity would be afforded if the readability scores were positively related to indices of all the variables except density of clauses and complexity of verb phrases.

Construct validation is most useful when you do not know the exact content of the quality or attribute you want to assess, thereby ruling out the use of content validity. It is also useful when you have no well-defined or generally accepted criterion that could establish the criterion-relatedness of the assessment procedure.

Like reliability, the validity of assessment procedures can often be judged by identifying the possible factors that can invalidate them; in the case of test scores, for example, other factors besides second language ability might explain student performance, if there are a lot of other factors that could explain performance, especially poor performance, then the evaluation procedure probably has low validity as an indicator of second language proficiency. Improving validity is often a matter of eliminating, reducing, or otherwise taking into account these other factors. For example, poor performance may be due to a lack of understanding of what is expected, insufficient time to carry out the task, lack of interest in the activity or the possibility of performing the task in different ways that are equally valid but unforeseen by the evaluator. These possibilities can be reduced substantially if they are first seen as possible sources of contamination.

Thus three characteristics of information: practicality, reliability, and validity have been discussed. We pointed out that:

- These characteristics of information are vital for judging the quality of both quantitative and qualitative information.
- Reliable and valid procedures for collecting information are essential for sound educational decision making.
- Validity is the most important quality of information; furthermore, in classroom-based evaluation, content and criterion validity are desirable.
- Validity is related to (in fact, limited by) reliability.
- Validity and reliability are relative qualities, not absolute.
- Reliability and certain types of validity can be estimated statistically by an index that ranges from .00 to 1.0.
- Classroom teachers need to consider factors that can reduce the re-liability or validity of an evaluation procedure.
- There are practical ways of enhancing the reliability and validity of evaluation procedures that involve minimizing sources of unreliability or invalidity.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ: ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ СТРАДАТЕЛЬНОГО ПРИЧАСТИЯ И ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО)

*Колочкова О. В.
Казанский государственный университет*

...а грамматику только тот знает, кто знает, как следовало по правилу сказать или написать то или другое слово, ту или другую фразу, которым живая область употребления (usus tyranicus) дала неправильную форму.

Н.В. Трунёв

Вопрос о правописании страдательных причастий прошедшего времени и омонимичных им отглагольных прилагательных (количество *н* в суффиксе, слитно/раздельно с *не*) является одним из сложнейших (если не самым сложным) вопросов русской орфографии. Причём картина нисколько не изменилась с 1956 г., когда правила, которыми мы пользуемся сегодня, почти в таком же виде вошли в «Правила русской орфографии и пунктуации».

Орфографическая дискуссия 1962-1965 гг. также не привела ни к каким положительным результатам в решении данной проблемы, и «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии» был вынужден констатировать факт того, что данные «правила очень сложны» и «осложняются, кроме того, рядом исключений» [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии 1965: 173].

В научной полемике по этому вопросу за последние полвека было сломано немало копий. Желая упростить жизнь, в первую очередь, ученикам и учителю:

- ⇒ одни лингвисты предлагали писать все части речи с *не* раздельно;
- ⇒ другие впадали в иную крайность: ставили во главу угла слитное написание;
- ⇒ третьи видели компромисс в том, чтобы причастие всегда писать с *не* раздельно (на основании того, что считали его формой глагола), не затрагивая при этом орфографии прилагательных;
- ⇒ четвёртые, напротив, ратовали за «подгонку» правил написания *не* с причастиями под уже существовавшие в языке правила написания *не* с именами прилагательными.

Относительно написания *н/nn* в суффиксах интересующих нас частей речи также предлагались различные решения проблемы:

⇒ Ещё в 1966 г. В.В. Лопатин опубликовал статью («Адъективация причастий в её отношении к словообразованию») с попыткой доказать, что прилагательными являются все определительные формы, образованные от глаголов несовершенного вида, следовательно, и писать их нужно с одним *н*.

⇒ Н.А. Еськова, в свою очередь, в этом же году писала о необходимости дифференцировать написание *н* и *nn* по видовому признаку, полагая, что «такое вмешательство в орфографическую практику будет весьма незначительным, так как страдательные причастия, образованные от глаголов несовершенного вида, редки и малоупотребительны, а чаще являются лишь теоретически восстанавливаемыми членами парадигмы» [Еськова 1966: 130]. Однако позднейшие исследования Л.П. Осенмука показали, что в активном употреблении ныне находится не менее полутора тысяч таких образований, так что и проект Н.А. Есковой материалом не оправдывается.

Очевидно одно: абсолютизация формальной стороны дела при отрицании семантического и словообразовательного критериев приводит к совершенному неразличению причастия и прилагательного в тексте. Действительно, случаев, когда невозможно, пользуясь существующей грамматической схемой, дифференцировать эти части речи в контексте, очень много. Это можно проиллюстрировать на следующих примерах:

1. *Возможности остались не востребованными*. [Тургенев 1994: 149];
2. *...тема, ещё почти незатронутая в русской литературе*. [Словарь языка А.С. Пушкина 1956: 762];
3. *...глубокие морщины давно небритого лица*. [Словарь языка А.С. Пушкина 1956: 760];
4. *...службою недозволенные и долгу присяги противные*. [Словарь языка А.С. Пушкина 1956: 761];
5. *...общество, независимое от гражданских законов*. [Тургенев 1994: 161].

Авторы данных контекстов весьма адекватно закрепляют на письме все семантические нюансы адъективных образований. Очевидно, что перед нами - **прилагательные**, поскольку признаковая семантика у них не только присутствует - она доминирует над глагольностью. Однако и «причастность» даёт о себе знать (особенно ярко она проявляется в написании №1) за счёт того, что форма *востребованный* образуется от глагола на *-овать*, - как известно, образования на *-ованный/-еванный* всегда так или иначе сохраняют свою процессуальность, которая в данном случае затушёвывается только потому, что *востребованными* является частью составного именного сказуемого и сочетается с глаголом-связкой *остались*, который и даёт непосредственную привязку к действительности; поэтому сам семантический дериват несёт, в первую очередь, лексическую нагрузку, определяя предмет с точки зрения тех свойств, которыми он обладает.

Рассмотрим также другие 'атрибуты причастности' в остальных примерах:

- 1) наличествует приставка *за-*, конкретизирующая значение действия;
  - 2) имеется наречие времени *давно*;
  - 3) присутствует дополнение в форме творительного падежа со значением субъекта действия (*службою*).
- Вроде бы случай вообще бесспорный: перед нами - причастие, однако «непричастность» данной единицы подчёркивается тем, что:
- ⇒ существительное *служба* является отвлечённым - производитель действия как бы затемняется;
  - ⇒ гибридный семантический дериват оказывается в одном ряду (и в одних синтаксических условиях) с прилагательными *противные*.

Что касается примера № 5, то не вызывает сомнений тот факт, что данный контекст написан абсолютно правильно, поскольку другого написания просто не может быть: глагол *зависеть* непереходный, следовательно, от него страдательное причастие (ни настоящего, ни прошедшего времени) вообще не образуется. Таким образом, слово *независимый* на данном этапе развития языка нужно расценивать как **имя прилагательное**, образованное от глагола *зависеть*.

Как известно, каждое подобное образование имеет свой грамматический синоним в виде действительного причастия настоящего времени (так же с отрицанием), образованное от того же глагола: *независимый* - *не зависящий* (*зависеть*); *неувядаемый* - *не увядающий* (*увядать*); *непромокаемый* - *не промокающий* (*промокать*) и т.п. Причастие только констатирует, что действие продолжается, не близится к своему завершению; прилагательное же указывает на недоступность предмета для известного процесса, на его «сопротивляемость»: «Можно сказать: *пришлось топить сырыми, долго не сгорающими дровами* (но невозможно сказать: *долго несгораемыми дровами*)» [Пешковский 1956: 288]. То есть прилагательное характеризует предмет несколько гиперболически, представляя известное его качество как абсолютное, не сопряжённое ни с какими внешними обстоятельствами, поэтому *независимый* в какой-то мере сильнее (с точки зрения грамматической семантики), чем *не зависящий*.

Говоря, например, *этот человек независимый*, мы имеем в виду, что он свободный в принципе, это его постоянное качество, и мы не уточняем, от чего именно он не зависит. Если же нужно сказать, что кто-то (или что-то) **от чего-то не зависит**, то употребляется (как правило) причастный оборот *не зависящий от...* (обязательно с управляемыми словами). Как только появляется «от» - появляется и процессуальность (иными словами: кто-то или что-то становится независимым лишь на данном этапе времени).

С другой стороны, употребление прилагательного *независимый* (*от*) вместо причастия *не зависящий* (*от*) можно объяснить тем, что пишущий совершенно не чувствует здесь никакой процессуальности, - он просто констатирует факт, а зависимые слова служат лишь конкретизации информации, а не указанию на временную протяжённость.

Таким образом, необходимо чётко понимать, что в тех случаях, когда в самом языке заложена возможность двоякого понимания одного и того же явления, нельзя загонять пишущего в прокрустово ложе правил и лишать его возможности выразить разные смысловые оттенки, навязывая «единственно верное» орфографическое решение тем фактам, которые в языке имеют **двойной статус**. В некоторых правилах (в том числе о правописании форм причастий и прилагательных) целесообразно указывать на предпочтительность, желательность одного написания и вместе с тем допустить, не запрещать другое.

Список использованной литературы

1. Еськова Н.А. О написании *ни/н* в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных // Вопросы культуры речи: Сб. ст. / Под ред. С.И. Ожегова. - М.: Изд-во АН СССР, 1966. - Вып. 7. - С. 122-135.
2. Лопатин В.В. Адъективация причастий в её отношении к словообразованию // Вопросы языкознания. - М.: Наука, 1966. - № 5. - С. 37-47.
3. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII-XX вв.) / Отв. ред. акад. В.В. Виноградов. - М.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1965. - 500 с.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / Предисл. проф. А.Б. Шапиро. - 7-е изд. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
5. Словарь языка А.С. Пушкина: В 4-х тт. / Под ред. и с послеслов. акад. В.В. Виноградова. - М.: ГИС, 1956. - Т. 2. - 896 с.
6. Тургенев И.С. Отцы и дети: Роман // Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 5 тт. - Т. 5. - М.: Русская книга, 1994. - С. 5-180.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОТ ЗООНИМОВ

Копосов Д. Р., Макарова М. М.
Казанский государственный университет

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) наименований животных является одним из наиболее продуктивных источников пополнения эмоционально-оценочной лексики в русском языке. Так, в данной ЛСГ можно выделить следующие лексико-семантические варианты:

1) наименования животных с прямым, эмоционально-нейтральным значением («волк» - хищный зверь песьего рода, положительными признаками едва отличаемый от собаки, «петух» - кочет, кур, куриный самец). Необходимо отметить, что в современном русском языке зоонимы, в большинстве своем, представлены непроизводными основами, хотя с точки зрения истории языка современные производящие (и нечленимые) основы могут на определенных этапах выступать как членимые и считаться производными. Так, в слове «петух» раньше выделялся суффикс -тух, и этот зооним возможно было соотнести с глаголом «петь», но, по мнению Г.О.Винокура, такое соотношение «в современном русском языке нереально, т.к. хотя петух и поет, но петух все же не означает в нашем языке поющую птицу» [Винокур 1959: 44].

2) названия животных с переносным, эмоционально - оценочным значением («лиса» - хитрый, коварный человек, «волк» - кровожадный, жестокий человек, «теленок» - глупый, наивный человек). Зооморфные «метафоры» относятся к национально-культурной специфике соответствующего народа. Цель этих «метафор» заключается в том, чтобы приписать человеку некоторые признаки, которые имеют оценочный смысл, т.к. перенос на человека признаков животного подразумевает оценочные коннотации.

Необходимость помещения термина «метафора» а кавычки обусловлена тем, что, по нашему мнению и в соответствии с точкой зрения В.В.Колесова первичной схемой переноса лексического значения с оценоч-